

Вестник
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ

2

Отдельный оттиск

1 9 7 5

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 — 1975

Л. Е. БАЛАШОВ

КАЧЕСТВО КАК СТУПЕНЬ ПОЗНАНИЯ

Для понимания категории качества важное значение имеет исследование ее как ступени познания. Особый интерес вызывает проблема: в какой последовательности осуществляется познание качества и количества? Эта проблема мало изучена в нашей литературе. Философы по традиции придерживаются гегелевской схемы движения категорий (от качества к количеству). Между тем диалектика познания качества и количества, которая является отражением объективной диалектики этих категорий, не выделяет какую-либо из них в качестве предшествующей или последующей. Если верно то, что качество исторически и логически предшествует сущности как более глубокой категории бытия, то неверно представлять то же самое отношение между качеством и количеством. Для познания единой качественно-количественной определенности реальных объектов справедлив принцип раздвоения единого и познания противоречивых частей его.

Начиная с древнегреческой философии, порядок расположения категорий был таким, что качество рассматривалось после количества. Гегель изменил этот порядок, мотивируя изменение тем, что «по своей природе качество есть первое»¹. Основным аргумент Гегеля состоял в том, что поскольку логическое движение абсолютной идеи начинается с бытия, а качество есть тождественная бытию определенность, то оно и должно быть первым, в частности предшествовать количеству. Гегель воспользовался здесь методом исключения. Если качество тождественно бытию, то противоположное ему количество не тождественно, безразлично бытию. Это значит, что оно не может *быть* с самого начала, а появляется лишь как реакция

---

¹ «...Определение *количества*, — пишет он в «Науке логики», — обычно приводят раньше определения *качества* и притом это делается без какого-либо обоснования. Мы уже показали, что началом служит бытие, *как таковое*, значит, качественное бытие. Из сравнения качества с количеством легко увидеть, что по своей природе качество есть первое. Ибо количество есть качество, ставшее уже отрицательным; величина есть определенность, которая больше не едина с бытием, а уже отлична от него, она снятое, ставшее безразличным качеством. Она включает в себя изменчивость бытия, не изменяя самой вещи, бытия, определением которого она служит; качественная же определенность едина со своим бытием, она... есть его *непосредственная* ограниченность. Поэтому качество как *непосредственная* определенность есть первая определенность и с него следует начинать» (Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, стр. 137).

на качественное бытие, как его отрицание². Далее, Гегель пытается в самом понятии количества найти основание для характеристики его как внешней определенности бытия. «Величина, — пишет он, — есть определенность, которая не едина с бытием, а уже отлична от него... Она включает в себя изменчивость бытия, не изменяя самой вещи, бытия»³. Действительно, если бытие есть бытие вещи, то всякое количественное изменение, не затрагивающее ее существования как данной вещи, безразлично ему. Гегель считает возможным пренебречь отличием бытия от вещи, чтобы показать внешний характер количества. Однако мы знаем, что начальным бытием, по Гегелю, является «бытие, как таковое». Вполне очевидно, что между этим бытием и бытием вещи нельзя ставить знак равенства, так как бытие, вещи — наличное, конечное, ограниченное бытие, которое (с точки зрения гегелевской логики) не может быть начальным бытием. Если же говорить о количестве применительно к бытию вообще, то аргумент Гегеля об отсутствии связи между изменением количества и изменением бытия теряет свою силу.

Рассматривая количество как снятое, «ставшее безразличным» качество, Гегель исходит из ограниченного понимания этих категорий. Качество он мыслит как специфическую, конкретно-чувственную определенность предмета; количество, напротив, — как неспецифическую, абстрактно-чувственную определенность. Такое противопоставление качества и количества не соответствует действительности. Качественная определенность выражает не только специфику предметов, но и общее между ними. Она является собой иерархию качественных уровней, которые различаются по степени общности. Например, качество меди — это и качество ее как отдельной вещи, отличной от других вещей, и качество металла, так как медь является металлом, и качество химического элемента и т. д. Между специфическим и общим качеством существует в известном смысле то же отношение, что и между определенным количеством (количественным изменением) и бытием вещи. Если взять для примера конкретные плоды в их отношении к плоду вообще, то можно сказать, что их специфическая определенность безразлична к определенности плода вообще, так как с переходом от одного конкретного плода к другому качественное бытие плода остается неизменным. Таким образом, если принять за точку отсчета бытие плода вообще, то нетрудно прийти к выводу, что конкретное качество яблока или груши является чем-то внешним по отношению к общему качеству плода.

Вместе с тем количество далеко не так безразлично к определенности нечто, как это желает представить Гегель в первых разделах «Учения о бытии». Позднее, в разделе «Мера», он отходит от узкой трактовки понятия количества, так как она ему больше не нужна. Он критикует «наше обыденное сознание, принимающее количество лишь за безразличную границу» и даже опровергает «как ложное» «это одностороннее удержание абстрактной определенности определенного количества»⁴. Пытаясь все же совместить односторонний взгляд на количество как безразличную границу с представлением о нем как определенности, изменение которой может повлечь за со-

² Возникает вопрос, почему немецкий философ связал с бытием именно качество, а количество вынес за скобки бытия. Ответ следует искать в истоках объективно-идеалистической философии. Согласно Платону (а еще раньше это мнение высказывали элеаты), истинное бытие едино, нераздельно. Небытию же свойственны множественность, раздельность, которые характерны и для количества. Как видим, качественные определения (единое и т. д.) относятся к бытию, а количественные определения (множественность, раздельность) — к небытию.

³ Гегель. Наука логики, т. 1, стр. 137.

⁴ Там же, стр. 428.

бой гибель нечто, Гегель вынужден говорить о «хитрости» понятия количества⁵.

Некоторые философы-марксисты восприняли тезис Гегеля о первичности качества, но интерпретировали его несколько иначе, понимая, что аргументация немецкого философа не является достаточно убедительной. При обосновании указанного тезиса они обычно ссылаются на одно замечание В. И. Ленина в «Философских тетрадах». Будучи вырванным из контекста, это замечание приобретает несвойственный ему характер самостоятельного утверждения, в котором внимание акцентируется на том, чего Ленин на самом деле не имел в виду. Приведем текст полностью:

«# Качество и ощущение... одно и то же, говорит Фейербах. Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и качество...»

«Сначала мелькают впечатления; выделяется *нечто*, потом развиваются понятия *качества* # (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления, — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (= абсолютной идее)»⁶.

Прежде всего бросается в глаза, что В. И. Ленин нигде прямо не говорит о том, что качество в познании предшествует количеству. В основном тексте (справа) он излагает план логики Гегеля, на ходу переделывает его, изображая движение категорий как историческое развитие познания. В этом тексте ясно говорится о том, что качество и количество как определения мысли возникают лишь после выделения *нечто*, т. е. им предшествует нерасчлененная, слитная определенность нечто, в которой они еще не обособились друг от друга как самостоятельные определения⁷. Далее после первых двух фраз следует высказывание («потом развиваются понятия...»), в котором о возникновении понятий качества и количества говорится как о одновременном акте. Хотя слово «качество» стоит перед словом «количество», сама конструкция высказывания и его место среди других высказываний не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Таким образом, из анализа основного текста следует: 1) что начало познания (когда «выделяется нечто») не совпадает с познанием, выделением понятия качества, а предшествует ему и 2) что понятия качества и количества образуются одновременно (или, во всяком случае, вопрос о последовательности их возникновения оставлен открытым).

Рассмотрим теперь примечание на полях (текст слева). В этом примечании, имеющем характер пояснения или дополнения, В. И. Ленин в подтверждение своей мысли о том, что определения качества и количества возникают на первых ступенях познания, ссылается на Фейербаха, на его мнение о качестве как определенности предмета, которую мы начинаем со-

⁵ См. Гегель. Наука логики, т. 1, стр. 428.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301.

⁷ Эта мысль В. И. Ленина созвучна современным представлениям психологов о первоначальной невыделенности в чувственном познании отдельных характеристик предмета. «Первая ступень элементарного познания, — пишет, например, Л. И. Анцыферова, — представляет собой крайне недифференцированное и отрывочное отражение в виде нерасчлененной совокупности таких качеств, как цвет, величина и т. п.» (Л. И. Анцыферова. О закономерностях элементарной познавательной деятельности. М, 1961, стр. 132).

знавать уже в ощущении. В. И. Ленин имел в виду именно это, когда писал: «Качество и ощущение одно и то же, говорит Фейербах»⁸. Далее он развивает свою мысль: «Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и *качество*». Этим замечанием Ленин лишь констатирует, что *уже* в ощущении мы начинаем сознавать качественную определенность внешних воздействий. Между тем некоторые авторы, опираясь на него, делают более сильные утверждения. Они, в частности, заявляют, что познание качества всецело относится к сфере чувственного опыта⁹. На этом же основании они проводят мысль, что категория качества исторически и логически предшествует категории количества. В действительности ни первое, ни второе утверждение не вытекают из ленинского замечания. Из того что «самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и *качество*», отнюдь не следует первичность качества по отношению к количеству. Количественная определенность также непосредственно отображается ощущением, как и качественная определенность (см. об этом ниже). В. И. Ленин не упоминает о количестве в последнем высказывании потому, что он относит все примечание (вместе с высказыванием) к слову «качество» в основном тексте. Учитывая этот факт, можно предположить, что в примечании Ленин не ставил задачу дать исчерпывающий ответ на вопрос, какие стороны предмета помимо качества даны в ощущении. В этой связи обращает на себя внимание многоточие в конце второго предложения после слова «качество». Оно свидетельствует о том, что Ленин не закончил свою мысль, видимо, не считая нужным говорить о том, что непосредственно не относится к понятию «качество».

Рассмотрим теперь аргументы, к которым прибегают авторы, отстаивающие тезис о предшествовании качества количеству. Наиболее распространенным является следующий аргумент: качество познается уже в ощущении (на чувственной ступени познания), а количественные представления возникают как результат абстрагирования, на более высокой ступени познания. Здесь, во-первых, не совсем правильным является утверждение, что качество познается уже в ощущении. Качественную определенность предмета человек лишь *начинает* сознавать в ощущении. Познание же качественности в полном объеме (в том числе иерархии качественных уров-

⁸ Данное замечание В. И. Ленина не следует понимать буквально, иначе оно может ввести в заблуждение. На самом деле Фейербах не отождествлял качество и ощущение. Об этом хорошо знал Ленин. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» он, говоря об отличии предмета наших представлений от самих представлений, приводит в качестве пояснения высказывание Фейербаха по этому вопросу. «...Мой вкусовой нерв, — цитирует Ленин Фейербаха, — такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее, — чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве предмета ощущения, она была также сама по себе (an und fur sich), — чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения...» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 119). Сам Фейербах в одной из статей не оставляет на этот счет никаких сомнений. Только «необразованный человек», пишет он, «не различает между субъективным и объективным», считает, что «ощущение — качество ощущаемого предмета» (Л. Фейербах. Избр. соч., т. 1. М., 1959, стр. 276).

⁹ В «Философской энциклопедии» (т. 2. М., 1962, стр. 433) качество характеризуется как «фиксируемая созерцанием определенность того или иного предмета» (А. Касымжанов, Н. Ицкович). И. С. Тимофеев справедливо указывает, что «в этом определении наложено логическое ограничение («фиксируемая созерцанием определенность»), которое в методологическом плане неоправданно сужает значение категории «качество». «Качество дано в ощущении первоначально, — говорит он по поводу ссылки на ленинское замечание, — но оно своеобразно познается и на более высоких уровнях» (И. С. Тимофеев. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972, стр. 18).

ней) предполагает не только деятельность органов чувств, но и предметно-орудийную деятельность человека и абстрагирующую работу его мозга. Во-вторых, неправомерно относить начало познания количественной определенности явлений к более высокой, чем ощущение, ступени познания. Иначе мы должны признать, что ощущение дает информацию лишь о качественной стороне явлений¹⁰. А это противоречит данным современной науки. Исследования по психологии и физиологии высшей нервной деятельности убедительно показывают, что количественная сторона явлений дана уже в ощущениях. «Благодаря ощущениям, — пишет известный специалист по психологии чувственного познания Б. Г. Ананьев, — человек непосредственно, «чувственно» отражает качество и интенсивность воздействия предметов и явлений внешнего мира»¹¹. В физиологии высшей нервной деятельности органы чувств (в широком смысле) называют анализаторами, т. е. органами, благодаря которым человек может анализировать, различать воспринимаемые объекты. Осуществляемый ими чувственный анализ позволяет оценивать явления окружающей действительности не только с качественной стороны, но и с количественной (по силе, интенсивности, длительности и т. д.). Согласно закону Вебера-Фехнера интенсивность ощущения находится в логарифмической зависимости от силы вызвавшего это ощущение раздражителя, выраженной в единицах порога ощущения. Закон, по существу, утверждает, что ощущения информируют нас не только о качественной стороне объектов, но и количественной. Иначе нельзя было бы говорить о логарифмической зависимости интенсивности ощущения от силы раздражителя.

Таким образом, совершенно ясно, что познание количества начинается так же рано, как и познание качества. Ни о каком *абсолютном* предшествовании качественного познания количественному не может быть и речи. Поэтому лишены всякого основания утверждения о том, что «на первоначальном этапе развития познания исследовалась лишь качественная сторона явлений»¹². Качество и количество в реальной действительности неотделимы друг от друга, составляют *одну* (качественно-количественную) определенность предмета. Познание этой определенности осуществляется в соответствии с ленинским принципом раздвоения единого и познания противоречивых частей его. Отсюда следует, что, по крайней мере на начальном этапе, познание качества и количества — единовременный процесс, заключающийся в раздвоении качественно-количественной определенности предмета на абстракции качества и количества.

Но, может быть, имеет место *относительное* предшествование качественного познания количественному, когда сначала познается преимущественно качественная сторона явлений, а затем исследуется количественная сторона? Такой точки зрения придерживается, например, Ю. Я. Дмитриев¹³. В этом случае сравнивают обычно чувственное познание качества и такие формы познания количества, как счет и измерение. Срав-

---

¹⁰ Наше сознание непосредственно связывается с внешним миром через ощущения, которые превращают энергию внешнего раздражения в факт сознания. Все представления о внешнем мире мы черпаем из ощущений, через органы чувств. Если ощущения информируют нас лишь о качественной стороне явлений, то откуда тогда берутся количественные представления? Может быть, они существуют априори и, значит, прав был Кант? Качественная теория ощущений невольно подводит нас к априористической трактовке количественных понятий.

¹¹ Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. М., 1960, стр. 163.

¹² В. И. Ефимов. Определения качества и количества как системы дефиниций. Ростов-на-Дону, 1973, стр. 5.

¹³ Сб. «Категории диалектики как ступени познания». М., 1971, стр. 162.

нение, конечно, не в пользу качественного познания, однако неправильно полагать, что количественное познание явлений начинается с возникновения счета и измерения. Этим формам количественного познания предшествует длительная история чувственного (непосредственного) познания количества, когда величины и множества сравнивались, оценивались «на глаз», приблизительно¹⁴. В этом плане логически неправомерным является вывод о том, что если счет и измерение возникают на сравнительно высокой ступени развития познания, то им обязательно предшествует период качественного познания¹⁵. Данный вывод неявно исходит из ложной посылки о противоположности качественного количественному как непосредственного, чувственно-конкретного, специфического опосредствованному, абстрактному, неспецифическому. На самом деле качественное познание не обостранливается на чувственной стадии, а развивается в высшие формы, каковыми являются различные виды классификации, систематизации, моделирования и т. д. Эти формы качественного познания в конкретной ситуации могут как предшествовать отдельным видам количественного познания, так и следовать за ними. Обычно приводят примеры, когда качественное познание предшествует количественному. Между тем в истории науки можно найти немало примеров обратного соотношения этих двух видов познания.

Возьмем, например, астрономию. Важной областью этой науки является изучение звезд. Если окинуть взглядом развитие представлений о звездной материи с древнейших времен до нашего времени, то можно увидеть, что современным представлениям о качественном своеобразии и различных типах звезд предшествовали, по существу, лишь количественные представления — об их различии по степени яркости и положению на небе. Вплоть до XIX в. звезды различались только по местоположению и яркости.

В книге Б. М. Кедрова «О количественных и качественных изменениях в природе» приводятся интересные факты из истории химии и физики. «Если мы, — пишет автор, — возьмем такие газы, как азот, кислород, водород и углекислый газ, то все они лишены обычных качественных различий, которые могут быть обнаружены непосредственно нашими органами чувств. Они не обладают определенной формой, бесцветны и невидимы, не имеют специфического запаха и вкуса. Поэтому-то газы долго считались просто «воздухом». Только благодаря применению количественного исследования стало возможным познание их качества. Так, Блэк установил с помощью весов, что углекислый газ фиксируется щелочами и, следовательно, обладает свойством кислоты. С помощью объемных измерений, основанных на применении пневматической ванны, все газы были разделены. То, что не могло обнаружить непосредственное чувственное познание в смысле раскрытия качества вещей, обнаруживалось с помощью количественных приемов»¹⁶.

То же самое можно сказать и об открытии периодической системы химических элементов. В первой половине XIX в. химики обращали главное внимание на разработку количественной стороны химических элементов и, прежде всего, на измерение их атомных весов. Благодаря г тому стало возможным познание качественных отношений между элементами, которое привело Д. И. Менделеева к открытию периодической системы элементов. Сам Менделеев отмечал, что качественному познанию химических элементов на новом, более высоком уровне (открытие периодической системы) предшествовал период преимущественно количественного познания. «Зна-

¹⁴ См.: И. С. Тимофеев. Методологическое значение категорий «качество» и «количество», стр. 107—115.

¹⁵ Такой вывод делает В. И. Ефимов. См. В. И. Ефимов. Определения качества и количества как системы дефиниций, стр. 5.

¹⁶ Б. М. Кедров. О количественных и качественных изменениях в природе. М., 1946, стр. 32.

ния, относящиеся к количественной стороне химических превращений, — писал он, — далеко опередили изучение качественных отношений»¹⁷.

Эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что в научном познании наряду с движением от качества к количеству имеет место движение от количества к качеству. Взаимные переходы качественного и количественного познания являются не чем иным, как примерами действия известного закона диалектики, который сохраняет свою силу и в области человеческого познания. Этот закон не выделяет какую-либо из категорий в качестве предшествующей или последующей. Для него равноправны оба перехода: качества в количество и количества в качество.

Обосновывая мнение о предшествовании качественного познания количественному, ссылаются иногда на тот факт, что прежде чем измерять, нужно знать, *что* измерять. В действительности этот факт говорит о другом. Местоимение «что» обозначает не качественную определенность предмета, а сам предмет. По своему характеру утверждение «что» является менее сильным, чем утверждение качественной определенности, которое выражается местоимением «какой» (именно от этого местоимения, а не от «что» ведет свое происхождение термин «качество»). Диапазон знания «что» простирается от почти полного незнания качественной определенности «что» до вполне определенного знания. В первом случае ограничиваются утверждением существования: «в таком-то пространстве-времени *что-то* есть». Во втором случае говорят, «*что именно* представляет собой предмет». Для измерения достаточно знать, что объект находится в определенном пространстве-времени и что он относится к классу объектов, которые измеряются известным образом. Однако из этого знания вовсе не следует, что мы знаем или должны знать качественную определенность *данного* объекта. В какой-то мере мы, конечно, обладаем знанием качественной определенности измеряемого объекта. Если, например, предстоит исследовать неизвестный газ, то мы уже знаем, что это не жидкость и не твердое тело, а именно газ. Благодаря этому знанию мы используем определенные количественные методы, которые характерны как раз для исследования газов. Знание того, что этот газ является газом и ничем другим, достаточно для применения количественных методов исследования. Но разве мы знаем, *какой* это газ?

Признавая правомерность постановки вопроса о предварительном знании объекта измерения, необходимо признать и другое: что в это знание должен входить не только минимум знания качественной определенности объекта, но и минимум знания количественной определенности объекта (приблизительное, оценочное знание его величины, размеров и т. д.). Например, чтобы измерить длину тела, нужно в зависимости от масштаба измерения выбрать тот или иной мерительный инструмент (микрометр, линейку или рулетку). Здесь нельзя обойтись без предварительной оценки длины тела «на глаз», органами чувств. От этой оценки зависит определение масштаба измерения и выбор мерительного инструмента.

Когда говорят о предшествовании качественного познания количественному, то нередко слово «качество» употребляют не в его категориальном значении, а в значении, близком к грамматической форме качественного прилагательного. Такое употребление характерно для современных философов-позитивистов, например для Р. Карнапа. По его мнению, «качественный язык ограничивается предикатами» типа «трава — зеле-

---

¹⁷ Д. И. Менделеев. Избранные сочинения, т. 2. Л., 1934, стр. 257.

ная»¹⁸. Карнап понимает различие качества и количества только как различие в языке, в концептуальной системе. Отсюда его тяготение к логико-грамматической форме представления этих понятий. Для него качественный язык — это язык качественных терминов, под вторыми подразумеваются различного рода прилагательные¹⁹. Такое понимание качественности является ограниченным. В этом случае качество изображается как феноменологическое, непосредственное, интуитивное понятие, пригодное лишь для фиксации результатов субъективной (чувственной или интуитивной) оценки явлений. Не случайно Карнап, отмечая различие между ньютоновским и гетевским подходами к изучению природы, характеризует первый словами «количественный», «аналитический», «экспериментальный», а второй — словами «качественный», «феноменологический», «непосредственный», «интуитивный»²⁰. Качественность оказывается у него в одном ряду с понятиями, которые характерны для различных форм доколичественного (и в определенном смысле донаучного) познания. В таком понимании качественное познание, действительно, предшествует количественному. Между тем нетрудно убедиться в односторонности феноменологического понятия качества. Качественный подход в данном случае существует как бы сам по себе, независимо и вне связи с количественным подходом, что противоречит реальному соотношению категорий качества и количества. Как диалектические противоположности, они не только отрицают, исключают друг друга, но и обуславливают, предполагают, опосредствуют друг друга. Качественный же подход, понимаемый феноменологически, рассматривает качественность лишь с одной стороны: как неколичественность (или, в лучшем случае, как понятие, *дополнительное* к понятию количества). Здесь игнорируется неразрывная внутренняя связь, взаимное опосредствование качества и количества.

Следует также учесть, что когда говорят о качественных представлениях как о доколичественных (или донаучных), то в действительности имеют в виду не только собственно качественные представления (отображающие качественную сторону явлений), но и приблизительные, оценочные представления о количественной стороне, которые называют качественными, так как в языке им соответствуют качественные прилагательные (например, «большой», «очень большой», «длинный», «длиннее»). «Под качественным подходом, — пишет в этой связи В. Н. Сагаатовский, — часто понимают не обязательно познание именно качества, но вообще любое доколичественное отражение любых свойств»²¹. Все, что характеризует степень, величину или множество до счета и измерения, что лишь оценивает их, человеческий рассудок относит к доколичественным представлениям, которые он в соответствии с формулой «или—или» (неколичественное, значит качественное) называет качественными.

В заключение укажем на некоторые нежелательные следствия, вытекающие из концепции первичности качества. Эти следствия двоякого па. Так, для Гегеля первичность качества означает, что оно является более фундаментальной категорией, чем количество. В его «Учении о бытии» качество занимает по отношению к количеству такое же положение, какое сущность занимает по отношению к явлению в «Учении сущности». Гегель

¹⁸ Р. Карнап. Философские основания физики. М., 1971, стр. 107.

¹⁹ См. там же, стр. 156, 159, 160, 172.

²⁰ См. там же, стр. 164-166.

²¹ В. Н. Сагаатовский. О соотношении качественного и количественного подходов в процессе познания. В сб.: «Количество и качество, их связь». Тюмень, 1972, стр. 12.

не раз в тех или иных частных вопросах подчеркивал более существенный характер качественных определений по сравнению с количественными. В этой позиции Гегеля таится опасность недооценки количественных методов познания и вообще экспериментирующей науки.

С другой стороны, концепция первичности качества объективно ведет к элиминации категории качества, к зачеркиванию ее научной значимости. Характерно в этом отношении высказывание Ж.-П. Сартра. Качество, утверждает он, есть категория чувственного, непосредственного восприятия. Наука не знает категории качества; законы могут быть только количественными²². Еще более категоричен А. А. Богданов. Качество он характеризовал как «безусловно обывательский термин, который никакой научной ценности не имеет»²³. К разряду подобных высказываний относится и афоризм математика Д. Б. Юдина: «Качество — это еще не познанное количество»²⁴. В основе указанных представлений о соотношении качества и количества лежит аналогия, обратная той, какую мы видели у Гегеля. Движение от качества к количеству рассматривается теперь как движение от явления к сущности и закону. В самом деле, в познании мы обычно идем от явлений к сущности и законам, от следствий к причинам. Познание явлений, следствий, действий предшествует, как правило, познанию причин, сущности, законов. Если мы настаиваем на предшествовании качественного познания количественному, то невольно напрашивается аналогия, согласно которой качественное познание есть феноменологическое познание, или познание явлений, действий, следствий, а количественное познание есть познание причин, сущности, законов. Такова логика концепции предшествования качества количеству в познании, которая толкает нас в «объятия» механицизма. На этот счет есть недвусмысленное высказывание Ф. Энгельса. Он критиковал «механическую» концепцию за то, что «всякое изменение она объясняет перемещением, все качественные различия — количественными, не замечая, что... качество так же переходит в количество, как и количество в качество, что здесь имеет место взаимодействие»²⁵. Эта критика косвенным образом направлена и против того взгляда, что познание количества есть более поздняя и, следовательно, более высокая ступень познания, чем познание качества. Все «механисты» именно за то, чтобы в познании идти от качества к количеству. Количественные определения они рассматривают как причину и сущность качественных определений.

---

²² J.-P. Sartre. *Drei Essays. Materialismus und Revolution*. Berlin, 1961, SS. 58, 60—62.

²³ А. А. Богданов. *Пределы научности рассуждения*. «Вестник Коммунистической академии», 1927, № 21, стр. 253.

²⁴ В нашей философской литературе на основе представления о предшествовании качественного познания количественному делаются попытки истолковать категорию качества как более простую по сравнению с категорией количества. Вот что пишет, например, М. М. Розенталь: «История развития науки, как и опыт познания отдельного человека, свидетельствует о том, что количественные отношения, как более сложные, познаются не сразу, представляют собой по сравнению с категорией качества ступеньку углубления познания. Например, не требовалось особых усилий, чтобы установить качественное различие красного, синего, оранжевого и других цветов. Это различие сразу бросается в глаза. Значительно сложнее было познать количественную сторону, объясняющую качественное различие цветов (различные длины волн)» (М. М. Розенталь. *О категориях материалистической диалектики*. В сб. «Категории материалистической диалектики». М., 1957, стр. 49).

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 20, стр. 568.